

ПРИЗНАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

Широко разделяемая идентичность может быть основой чувства общей судьбы, которая является фундаментальным основанием для надлежащей политики

Андрес Веласко

Что такое популизм? Неудивительно, что экономисты определили это явление исключительно в экономических терминах. Классическое определение популизма — это «подход к экономике, который подчеркивает рост и перераспределение доходов и преуменьшает роль рисков инфляции и дефицита финансирования, внешних ограничений и реакции экономических агентов на агрессивную нерыночную политику» (Dornbusch and Edwards, 1991).

Проблема с этим определением состоит в том, что оно не применимо к большинству режимов, которые сегодня называются популистскими. Даже среди левых популистских правительств в Латинской Америке — именно тех, которые должны соответствовать определению Дорнбуша-Эдвардса, — можно найти примеры того же самого. Бывший президент Боливии Эво Моралес, по крайней мере в первые годы своего правления, был осмотрителен в управлении доходами страны от газа; в Мексике в последнее время президент Андрес Мануэль Лопес Обрадор сокращал расходы и оставался в границах небольшого бюджетного дефицита.

Политический популизм, который отличается от *экономического* популизма, предлагает решение этой загадки: можно иметь одно, не имея другого.

Популизм — это способ проводить политику, в которой конфликт занимает центральное место (Müller, 2016; Mudde and Rovira, 2017). Однородная группа, называемая «народом», часто противопоставляется другим — «элите», местным меньшинствам, иммигрантам, иностранцам. Мюллер подчеркивает моралистическую интерпретацию политики популистами: те, кто на стороне народа, высоконравственны; остальные аморальны и идут на поводу у коррумпированной элиты.

Популистский подход к политике основывается на трех элементах: отрицании сложности, антиплюрализме и персоналистском подходе к политическому представительству. Большинство из нас считают, что социальный выбор (строить больше школ или больниц? стимулировать или сдерживать международную торговлю? либерализовать или ограничить аборт?) является сложным, и что противоположные взгляды на то, что следует делать, являются естественным следствием этой сложности. Популисты с этим не согласны.

Таким образом, неизбежно, что популисты не верят в плюрализм. Для них существует только одно правильное мнение — мнение народа, которое, следовательно, является единственной точкой зрения, имеющей политическую легитимность. Отсюда следует, что сложные механизмы либеральной демократии с ее делегированием и представительством не нужны. Нет необходимости в бесконечных парламентских дебатах: единую «волю народа» можно выразить одним голосованием. Поэтому популисты любят референдумы и склонны идти по скользкому пути к авторитаризму или прямой диктатуре.

Политика преобладает над экономикой

Что стоит за ростом популизма? Стандартный ответ — кошелек. В таких странах, как Соединенное Королевство и США, распределение доходов ухудшилось, и львиная доля достается верхнему 1 проценту. В местах, которые остались позади в результате технологических изменений и глобализации, люди потеряли работу и терпение. Мировой финансовый кризис 2008 года не только вызвал много страданий, но и укрепил убежденность в том, что Уолл-стрит — враг Мэйн-стрит. Неудивительно, что политика стала конфронтационной и популисты одерживают верх.

Если этот сюжет верен, политический вывод прост: обложить налогом богатых, перераспределять больше доходов и прогнать негодяев, которые играли на руку банкирам. Популизм в конечном счете исчезнет. Стандартный сюжет прост и привлекателен. Но правильно ли это? Является ли это надежной основой для ответных мер политики?

В эмпирических статьях, ставящих целью показать, что в Северной Америке и Западной Европе силы популизма носят в основном экономический характер, недостатка нет. Но имеется также множество статей, в которых делается вывод, что рост популизма является результатом культурной обратной реакции. Доказательства в пользу последнего не ограничиваются Соединенным Королевством и США, утверждают авторы работы Inglehart and Norris (2016), которые исследовали популистские партии в 31 европейской стране. «В целом мы находим наиболее последовательные доказательства, подтверждающие тезис о культурной обратной реакции», — заключают они.

Пока что наиболее формальные свидетельства касаются возможных источников популизма в процветающих странах Северной Америки и Западной Европы. Формальные эмпирические исследования причин популизма в странах с формирующимся рынком гораздо скуднее. Но неофициальные данные позволяют предположить, что их история довольно сильно отличается от той, которая часто рассказывается о богатых странах.

В сюжете о богатых странах центральное место занимает экономический застой и разочарование тех, кто остался позади. Напротив, в странах с формирующимся рынком правый популизм процветает в странах с высокими экономическими показателями — что прямо противоположно предсказаниям гипотезы «отсутствия экономической безопасности». Темпы роста в Индии, Турции и на Филиппинах составляли 6,5–7 процентов с 2010 года. Польша почти не пострадала от последствий европейского финансового кризиса и занимала ведущее место по темпам роста в Европе при средних темпах роста на душу населения свыше 4 процентов начиная с 1992 года.

Или же рассмотрим соседнюю Чешскую Республику, где безработица составляет всего 2,3 процента, что является самым низким показателем в Европейском союзе, а темп роста экономики составил 4,3 процента в 2017 году. В стране мало иммигрантов и практически отсутствует кризис беженцев. Тем не менее, на последних выборах популистские партии привлекли четырех из каждых десяти избирателей — десятикратное увеличение за два десятилетия.

Таким образом, в этих странах популизм, по-видимому, является результатом экономических достижений, а не трудностей! Напротив, в стандартном сюжете предполагается, что популистами должны стать проигравшие от глобализации, но такие страны, как Венгрия, Индия,

Польша, Турция и Филиппины явно выиграли от глобализации — и все же также стали популистскими.

Есть еще один неудобный факт, который следует рассмотреть: если бы всплеск популизма отражал потребность в перераспределении, можно было бы ожидать, что всплеск будет происходить на левой, а не правой стороне. Однако впечатляющих успехов добились правые популисты, как наблюдалось в Бразилии, Венгрии, США и многих других странах мира. Политика некоторых из этих популистов, по всей вероятности, ухудшит, а не улучшит распределение доходов, и тем не менее избиратели из среднего и рабочего класса поддерживают их.

Ключевой ролью политики является урегулирование претензий, как экономических, так и других. Поворот к популизму и авторитаризму предполагает неспособность демократической политики эффективно справиться с этими претензиями. Для этого есть односложная причина: идентичность.

Корни идентичности

В своей последней книге *“Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment”* («Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия») Фрэнсис Фукуяма утверждает, что «люди часто хотят не признания своей индивидуальности, а признания своего сходства с другими людьми». Люди также хотят, чтобы эту идентичность признавали и уважали. Фукуяма напоминает нам, что философы от Аристотеля до Гегеля ставили желание уважительного отношения к себе в центр человеческой мотивации. Поэтому «политика идентичности — это всегда и везде борьба за признание достоинства».

Какое это имеет отношение к популизму? Очень большое. Добавим к вышеприведенным определениям, что популизм — это стиль политики, который *манипулирует* расхождениями во взглядах на идентичность и *усиливает* их ради политической выгоды. Популизм — это разновидность политики идентичности. Он всегда означает «мы» против «них».

Политика идентичности — непростая тема для экономистов. До недавнего времени экономическая теория не оставляла места для идентичности. Предполагалось, что у людей есть предпочтения, но то, что им нравится и что не нравится, не составляло единого целого, которое можно было бы назвать идентичностью. Джордж Акерлоф и Рэйчел Крэнтон решили изменить это. Они утверждали, что в широком контексте структура предпочтений определяется выбором индивидом социальной идентичности. Затем эти два экономиста начали изучать экономические последствия таких предпочтений.

Подход с точки зрения идентичности, предложенный Акерлофом и Крэнтоном, полезен при рассмотрении многих вопросов, но для понимания связи между политикой

ПОПУЛИЗМ — ЭТО РАЗНОВИДНОСТЬ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ. ОН ВСЕГДА ОЗНАЧАЕТ «МЫ» ПРОТИВ «НИХ».

идентичности и популизмом особого внимания заслуживают три из них. Во-первых, люди готовы платить высокую цену, финансовую и иную, для поддержания своей идентичности. Например, в средних школах США (Akerlof and Kranton, 2002) учащиеся, которые идентифицируют себя как *нерды*, усердно учатся, а учащиеся, которые идентифицируются как *качки* или как *укурки*, не учатся и отстают, даже если им это дорого обходится, потому что такое поведение укрепляет их идентичность и самоуважение. Аналогичным образом, политики-популисты проводят экстремальную и в конечном итоге неустойчивую политику, чтобы сигнализировать избирателям, что они (политики) не находятся в кармане могущественной элиты. Поэтому то, что на первый взгляд кажется экономическим поведением, обреченным на провал, становится вполне рациональным, если принять во внимание идентичность. И популизм, безусловно, включает множество обреченных на провал решений экономической политики.

Во-вторых, идентичность сопряжена с возрастающей социально-политической отдачей. По мере увеличения доли людей, которые идентифицируют себя с определенной группой, возрастает и социальное давление, направленное на то, чтобы идентифицировать себя с этой группой и следовать ее кодексу поведения. Или же люди могут выбрать группу, с которой они хотят идентифицировать себя, и, прикнув к ней, действовать таким образом, чтобы свести к минимуму расстояние между собой и этой группой.

В-третьих, если идентичность в какой-то момент становится основным фактором, определяющим политическое поведение, в политической борьбе становятся полезными орудия, отличные от экономической политики. Популистские политики часто стратегически используют токсичные и противоречивые высказывания в целях «мобилизации базы» и изменения размера конкурирующих групп идентичности. Популисты злобствуют не по ошибке, а по замыслу.

Если идентичность необходима для популизма, а популизм занимает центральное место в современной политике, как должны реагировать демократические политики и директивные органы? Сначала они должны посмотреть фактам в лицо и признать, что идентичность имеет значение, и что ее побочные продукты не всегда хороши.

Заострение внимания на идентичности также побуждает уделять больше внимания вопросам, которые долгое время игнорировались или неправильно использова-

лись. Возьмем, к примеру, тяжелое положение городов, где деиндустриализация уничтожила рабочие места. В прошлом стандартным советом было переехать в место с широкими возможностями высокооплачиваемого трудоустройства. Сегодня мы понимаем, что это не обязательно здравый совет. Мало того, что наиболее образованные и предприимчивые уезжают, оставляя позади сообщества, которые напрягают все силы, чтобы поддерживать бизнес и сводить концы с концами. Сочетание потери работы и внешней миграции также ослабляет местное сообщество и бросает вызов общей идентичности. Именно поэтому местная политика является важнейшим компонентом в инструментарии демократического политика.

Необходимы также и другие изменения: демократические лидеры должны научиться практиковать политику идентичности — но правильную ее разновидность. Люди не могут отказаться от своей узкой идентичности, которая имеет наиболее прочные корни. Но широко разделяемые общие идентичности также имеют значение и могут составить основу чувства общей судьбы, которая лежит в основе надлежащей политики. Как отметил историк Майкл Игнатъев в номере *Financial Times* от 5 сентября 2019 года, «национальная идентичность — это постоянное соперничество за то, кто принадлежит к национальному “мы”». Единственной альтернативой этому разрыву является общая идентичность, любовь к стране, основанная не на ложном чувстве расового превосходства, а на том факте, что наша родина выступает за благородные общечеловеческие ценности. **ФР**

АНДРЕС ВЕЛАСКО — декан факультета государственной политики Лондонской школы экономики и бывший министр финансов Чили.

Литература

Akerlof, G., and R. Kranton. 2002. "Identity and Schooling: Some Lessons for the Economics of Education." *Journal of Economic Literature* 40 (4): 1167–201.

Dornbusch, R., and S. Edwards. 1991. "The Macroeconomics of Populism in Latin America." In *The Macroeconomics of Populism in Latin America*, edited by R. Dornbusch and S. Edwards. Chicago: University of Chicago Press.

Inglehart, R., and P. Norris. 2016. "Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash." HKS Faculty Research Working Paper Series RWP16-026, Harvard Kennedy School, Cambridge, MA.

Mudde, C., and C. Rovira. 2017. *Populism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Müller, J.-W. 2016. *What Is Populism?* Philadelphia: University of Pennsylvania.